

Психология и философия: личность рефлекслирующего человека (размышления философа)

Петр Рябов

АЛЕКСЕЙ БОРОВОЙ И ФРЕЙДИЗМ (по архивным источникам)

Аннотация. Рассматривается понимание Алексеем Боровым – теоретиком постклассического анархизма – идеи личностной уникальности по материалам его неопубликованных мемуаров, дневников и статей.

Ключевые слова: психоанализ; романтизм; иррационализм; анархизм; свобода; уникальность личности; индивидуализм.

Abstract. Ideas of personal uniqueness in understanding of Alexey Borovoy – theorist of post-classical anarchism – are examined on the materials of his unpublished memoirs, diaries and articles.

Keywords: psychoanalysis; romanticism; irrationalism; anarchism; liberty; personal uniqueness; individualism.

В начале XX века идеи психоанализа оказывают влияние на русскую философию и культуру

В первой трети XX века в Россию активно проникают идеи формирующегося в Европе психоанализа: и как психиатрической практики, и как философского, психологического и культурологического течения. Идеи Зигмунда Фрейда о человеке находят живой и разнообразный отклик среди российских мыслителей и преломление в их творчестве.

Видным представителем российской культуры, на которого фрейдизм оказал определенное влияние, был Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) – полузабы-

Фонд Алексея
Борового

А. Боровой – одна
из ключевых фигур
русской культуры
начала XX века

тый ныне мыслитель-энциклопедист, общественный деятель, крупнейший теоретик постклассического анархизма, оригинальный философ, великолепный оратор, преподаватель Московского университета, талантливый музыкант, социолог, психолог, правовед, историк и экономист, обаятельный человек и вдохновенный романтик [1; 2].

Фонд А. Борового в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) содержит неопубликованные материалы (в частности, замечательные монументальные мемуары мыслителя, его дневники времен ссылки в Вятку и Владимир (1929–1935), рукопись интереснейшей книги «Достоевский», над которой он работал последние 15 лет жизни и которую успел завершить), позволяющие рассмотреть разнообразное влияние фрейдизма на русского анархиста. Это поможет полнее представить себе его философию и личность и расширит наши представления о распространении психоаналитических идей в русской культуре эпохи Великой Российской революции 1917–1921 гг.

Алексей Боровой был личностью огромного дарования и энергии, общавшейся с наиболее замечательными фигурами своего времени (как из среды философов и ученых, так и из среды музыкантов, поэтов, художников, артистов Европы и России) и жадно впитывавшей разнообразные духовные влияния современности в стремлении к философскому синтезу и обновлению анархизма. Достаточно сказать, что среди его близких знакомых и товарищей были: философы Г.Г. Шпет, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин; поэты и писатели М.А. Волошин, А. Белый (Б.Н. Бугаев), К.Д. Бальмонт, В.В. Маяковский (рисовавший его портреты), А.Н. Толстой (писавший об А. Боровом на страницах «Хождения по мукам»); ученые – юристы, экономисты и историки – Ф.Н. Плевако, Б.А. Кистяковский, А.И. Чупров, М.М. Ковалевский, А.К. Дживелегов; деятели искусства А.Н. Скрябин, М.Н. Ермолова, И.Э. Грабарь, С.В. Герасимов, С.Т. Коненков; революционеры В.Н. Фигнер, П.А. Кропоткин, Н.И. Махно, Э. Гольдман.

Во время своих заграничных поездок (в 1903–1905 и 1911–1913 гг.) Алексей Алексеевич в Париже посетил лекцию Анри Бергсона, общался с теоретиком революционных синдикалистов социальным философом Жоржем Сорелем, легендарным лидером социалистов Жаном Жоресом и крупнейшим французским историком Альфонсом Оларом, был знаком и переписывался с известным социологом Робертом Михельсом.

Круг интересов
А. Борового был
весьма широк

Круг вопросов, которым А. Боровой посвящал свои лекции, статьи, брошюры и книги, – весьма широк. Назову: монументальную двухтомную историко-правовую диссертацию о личной свободе во Французской революции, очерк о Париже, исторические очерки об истории социалистической мысли и о современном масонстве, работы о М.А. Бакунине и Ф.М. Достоевском, сочинения, критикующие парламентаризм и пропагандирующие революционный синдикализм, учебник по политической экономии, блестящую книгу «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм, социализм, анархизм» (с которой молодой приват-доцент Московского университета в 1906 г. ворвался в русскую общественную мысль и начал обновление анархического мировоззрения), поздние книги «Анархизм» и «Личность и общество в анархическом мировоззрении», неопубликованные мемуары.

Жизнь, личность,
творчество, свобода –
основные проблемы
творчества
А. Борового

Однако все многообразное творчество А. Борового фокусировалось вокруг основных понятий: жизнь, личность, творчество, свобода (причем эти лейтмотивы романтического философа неразрывно связаны друг с другом). А. Боровой исследовал: психологию творчества, неизбежный трагический конфликт личности и общества, столкновение разума и чувств в человеке. Он эволюционировал от философии жизни к экзистенциально ориентированному мировоззрению. Убежденный персоналист и анархист, А. Боровой в своем подходе к человеку исследовал витальную стихию в культуре, человеческие экстазы вдохновения, тайну Эроса и сексуальности, развращающий личность гипноз власти как социально-психологического явления. Он писал о «человеке без кавычек» (экзистенции), о конфликте «живого и мертвого» (то есть, говоря языком созвучного ему Н.А. Бердяева, о противостоянии творчества и объективации), о гнетущей и мертвящей силе рационализма и сциентизма и противостоящей им интуиции и дорациональному в человеке. Уже из этого понятно, что чуткий и восприимчивый мыслитель-эрудит не мог пройти мимо идей З. Фрейда.

Интерес
к психоанализу

Хотя фрейдизм – отнюдь не самый существенный элемент в том идейном синтезе, который осуществлял Алексей Боровой (наиболее значимыми для него мыслителями в разное время были Карл Маркс, Фридрих Ницше, Макс Штирнер, Жорж Сорель, а в поздний период творчества, в 1910–1930-е гг., – Федор Достоевский, Михаил Бакунин и Анри Бергсон), все же интерес к психоанализу и его основателю и восприятие его идей ощущается во многих работах А. Борового. Я не буду

Интерес к личности
и идеям З. Фрейда

Этюды З. Фрейда
привлекли
внимание
А. Борового

здесь подробно излагать антропологические, персонологические и психологические воззрения Алексея Борового, его взгляды на личность, власть, общество и творчество, поскольку это потребовало бы обширного и фундаментального монографического исследования. Коснусь лишь тех аспектов его творчества, где прямо или косвенно заметно влияние психоаналитической традиции.

Интерес к личности и идеям выдающегося австрийского психолога появился у А. Борового в конце его двухлетней заграничной командировки с целью написания диссертационного исследования. Описывая в мемуарах, как летом 1905 г. он посетил Вену, по дороге домой из Парижа и Берлина, русский философ, в частности, отмечал: «Любопытство привело меня в аудиторию З. Фрейда, имевшего тогда и среди русских немало почитателей. Впервые здесь я познакомился и с его работами и получил впечатление, что для исследовательской работы по “психоаналитическому” методу Фрейда требуется и голова, подобная фрейдовской, иначе утрированный механизм школы превращает исследование в карикатуру. Впоследствии, знакомясь с трудами отечественных и иностранных “фрейдистов”, я все более и более убеждался в справедливости этого впечатления.

Небольшие этюды З. Фрейда – “Леонардо да Винчи”, “Сон”, помнится, мне тогда очень понравились» [3, с. 152]. К сожалению, из этого отрывка воспоминаний неясно, состоялось ли личное знакомство молодого русского анархиста и знаменитого венского профессора. Также остается сожалеть, что А. Боровой не оставил портрета личности З. Фрейда (подобно тому, как он ярко описал лекцию Анри Бергсона в Париже; вообще, выразительные портреты сотен прославленных, и не очень, современников украшают мемуары Борового и составляют одну из самых их замечательных сторон). Тем не менее в приведенных строках вполне отчетливо, хотя и лаконично, сформулировано то изначальное отношение А. Борового к фрейдизму, которое и в дальнейшем останется у него неизменным: явно выраженный интерес к методологии З. Фрейда, огромное уважение к его дарованию и вместе с тем критическое отношение ко многим эпигонам фрейдизма, догматически редуцирующим личность к чему-то плоскому и доводящим плодотворный подход мэтра до абсурда и карикатуры*.

* Интересно, что в именном указателе к своим мемуарам среди многих сотен имен А. Боровым указан и З. Фрейд с более чем лаконичным и несколько странным определением – «биолог» [4, с. 270].

Летом 1905 г.
А. Боровой посетил
З. Фрейда в Вене

Позднее сходные мысли не раз будут повторяться в различных контекстах в сочинениях русского мыслителя. В своем дневнике 28 июля 1933 г., критикуя советского литературоведа Л. Войтоловского за «экономический материализм» и редукцию всей сложности жизни и культуры к экономическим факторам, ссыльный анархист, между прочим, отмечал: «И остроумный Войтоловский [Войтоловский] порой напоминает неуклюжих фрейдистов, пытающихся производить психоаналитические опыты, без таланта, остроумия и тонкого мастерства учителя. Здесь также *verba magistri** иной раз отнимают собственный разум. И некоторые творцы жестоко пострадали от коммуноязыжерского усердия» [5, с. 85].

А. Боровой пытался
защитить З. Фрейда
от фрейдистов
и К. Маркса
от марксистов

Алексей Алексеевич противопоставил интересных мыслителей, предложивших плодотворный (хоть и однобокий) взгляд на человека, – Карла Маркса и Зигмунда Фрейда их догматическим ученикам, утрирующим эту однобокость до упрощения и нелепости. Защита З. Фрейда от фрейдистов и К. Маркса от марксистов не раз присутствует в сочинениях русского анархиста. Конечно, и биологически-инстинктивное, и экономическое играют свою роль в жизни личности и в культуре, но абсолютизировать то или другое – неправильно, полагал А. Боровой.

А. Боровой
критиковал
фрейдистов,
упрощенно
трактующих
Ф.М. Достоевского

Сходные мысли высказал русский философ в своей замечательной книге о Ф.М. Достоевском. Высоко оценив трактовку В.В. Розановым темы Эроса в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского, восхищаясь глубиной его понимания писателя, Алексей Боровой подчеркивал: «Все остальное, имеющее место в литературе, – жалкие попытки охарактеризовать сложную природу предвзятыми шаблонами, свидетельствующие о полном непонимании проблемы “пола” и “греха” в смысле Достоевского» [6, с. 48]. И в связи с этим анархист обрушился на русских авторов-фрейдистов, пытавшихся (по его мнению, чрезвычайно неудачно и вульгарно) по-фрейдистски истолковать взгляды Ф.М. Достоевского. Он критиковал книгу А. Кашиной-Евреиновой «Подполье гения (сексуальные источники творчества Достоевского)» как «безбрежно наивную, состряпанную по Фрейду» и книгу фрейдиста И. Нейфельда «Достоевский. Психоаналитический очерк» как неудовлетворительную попытку вывести «всего Достоевского и всё у Достоевского из “комплекса Эдипа”» (имея в виду отцеубийство в «Братьях Карамазовых») [6, с. 48].

* Слово Учителя (лат.).

А. Боровой
обрушился с
критикой на
упрощенчески-
догматические
трактовки
Ф.М. Достоевского

Русский философ-
анархист в своих
сочинениях
защищал З. Фрейда
от догматических
фрейдистов

Интерес к
иррациональному

Понятие
бессознательного
использовалось
А. Боровым при
анализе творчества
и феномена власти

Защищая герменевтический подход к личности и творчеству великого писателя, А. Боровой вновь попутно обрушился с критикой – не на самого З. Фрейда и его психоанализ, а на упрощенчески-догматические трактовки творчества Ф.М. Достоевского, даваемые некритическими российскими фрейдистами, бесстрашно противопоставив им в качестве примера подлинной тонкости, чуткости и понимания такого запрещенного и неудобного в СССР автора, как В.В. Розанов.

Выступая против крайностей фрейдизма, Алексей Боровой часто проявлял интерес к проблемам и подходам в осмыслении человека, предложенным этим новым течением. Находясь во Владимирской ссылке, 25 октября 1933 г. он записывает в дневник свои мысли о прочитанной им книге Ю. Каннабиха «История психиатрии» (Л.: Гос. мед. изд-во, 1928), делая из нее обширные выписки и демонстрируя свой интерес к этой области знания: «Для меня эта книга старого знакомого была приятным открытием. Я давно хотел получить что-нибудь в этом роде. К сожалению, это не совсем то, что я хотел. Это – первая попытка “истории”. Я ждал характеристики основных типов психозов» [7, с. 27–27 об.].

За несколько месяцев до смерти, 5 июня 1935 г., в дневнике А. Борового появился подробный рассказ о том, как ссыльный анархист-эрудит взялся перечитывать сочинения Л. Захер-Мазоха [8, с. 84 об.–85]. Впервые он прочитал их летом 1905 г. (в одно время со своим посещением З. Фрейда в Вене) и тогда не нашел в них ничего интересного, но теперь, спустя 30 лет, перед лицом смерти и бесчеловечного тоталитарного режима и под влиянием многолетнего углубленного изучения творчества Ф.М. Достоевского, перечитав заново, оценил их более высоко. Алексей Алексеевич был слишком здоровой, отнюдь не «декадентской» натурой, чтобы вполне принять и «достоевщину» (не Ф.М. Достоевского!), и мазохизм. Однако усиление трагического чувства жизни усиливало в нем интерес к иррациональному, зверскому в человеке (и в человеческой сексуальности) и к «подполью» души.

Активно использовал А. Боровой в своих размышлениях и фрейдовское понятие бессознательного. В своих воспоминаниях, осмысливая собственное ораторское искусство и роль экстатического вдохновения в нем, мемуарист, между прочим, замечает: «Бесспорно, эмоциональный подъем во время ораторского выступления обуславливает и повышенное умственное творчество.

Перед оратором внезапно разворачивается неисчерпаемая сокровищница подсознательного, из которой он, руководимый чувством меры, особенностями момента, может брать все нужное» [4, с. 216]. Постоянный интерес анархиста к психологии творчества в сочетании с недоверием к рационалистическим подходам, заставляли его с интересом обращаться к идеям фрейдизма. Также любвеобильного Алексея Борового всегда практически и теоретически интересовала стихия Эроса и проблема возгонки (сублимации) эротической энергии в сферу творчества и духовной жизни человека, что усиливало его интерес к психоанализу.

А. Боровой об
иррациональной
природе власти

Печать влияния психоанализа лежит и на попытках осмысления философом-анархистом феномена власти во всей его многомерности и сложности. Так, в своей поздней (конца 1920-х гг.) рукописи «Власть» А. Боровой, комбинируя социологический и психологический анализ власти, прибегает к языку фрейдизма (в сочетании с использованием левогегельянской концепции отчуждения и фетишизации): «И, чем обширнее социальный круг, чем сложнее сеть психических взаимодействий, в которые включена подлинная реальность – человек, тем сильнее и полнее опутана она иррациональностью слагающихся клубком таинственных велений, вышедших из собственных ее устремлений, признаний, соглашений или молчаливых присоединений, но теперь сковывающих ее чудесной силой. Каждая отдельная конкретная личность – оригинальная, неповторимая, единственная, реальная – подчинена, таким образом, сверхиндивидуальному, абстрактному и безотчетному синтезу устремлений и воле отдельных личностей» [9, с. 9–10]. Разбирая далее в работе различные виды власти, мыслитель особо выделяет среди них ту, которая, «по крайней мере, при современных познавательных средствах, представляется иррациональной и в большинстве случаев не поддается хоть сколь-нибудь убедительному анализу. Движения подсознательные, инстинкты играют здесь бесспорно первенствующую роль» [Там же, с. 13–14]. «И бунт анархизма против власти абстракций над людьми обуславливается, прежде всего, тем, что анархическое мировоззрение есть мировоззрение не политически только, не юридически, но реально психически свободной личности» [Там же, с. 26].

Размышления
А. Борового о
социальном
бессознательном

Как нетрудно заметить, беспощадная штирнерианская критика «фетишизмов», «призраков» и отчуждения личности, а также бергсоновские виталистские идеи об иррациональной жизненной стихии как «жизненном

порыве», деградирующем в мертвых абстракциях и инертных формах бытия «закрытого общества», мастерски дополняются здесь Алексеем Боровым элементами психоаналитического инструментария в рассмотрении личного и общественного бессознательного. Ход его мысли в чем-то предугадывал последующие рассуждения Эриха Фромма о социальном бессознательном, связывая воедино социальную критику и психологический анализ личности, существующей в «больном», отчужденном обществе. И даже истоки фроммовской мысли те же, что у Борового: сплав марксистской (левогегельянской), фрейдистской и экзистенциальной традиций в анализе власти и ее дегуманизирующего и порабащивающе-гипнотического воздействия на человека и в попытках ее преодоления.

Осмысление собственных сновидений – важная часть рефлексий Алексея Борового

Есть, однако, еще одна область многообразных интересов А. Борового, где влияние психоаналитической традиции на него особенно заметно и выразительно. Будучи всецело порождением романтической культуры, романтиком в полном смысле этого слова, человеком огромного воображения и мыслителем, пристально интересующимся «теневой стороной» человеческой души, Боровой придавал огромное значение сновидениям как важной стороне человеческой жизни и «окну» в бессознательное. Их осмысление помогало ему в постижении личности, прежде всего собственной, путем интроспекции. Как мы помним, русский философ особенно высоко оценивал работу З. Фрейда о сновидениях как впечатлившую его при первом же знакомстве с ней.

А. Боровой подробно анализировал около трех десятков своих снов

В своем дневнике эпохи ссылок в Вятку и Владимир (1928–1935) Алексей Боровой приводил, подробно осмысливая, около трех десятков собственных снов. И здесь переключки с фрейдизмом, естественно, особенно заметны и очевидны (см., например, записи от 12 июля 1930 г. [10, с. 120–121 об.]; от 6 июня 1931 г. [Там же, с. 152 об.–155 об.]; от 7 июля 1931 г. [Там же, с. 155 об.–156]; от 4 марта 1933 г. [5, с. 9]; от 18 декабря 1933 г. [7, с. 41 об.–42]). Важно подчеркнуть, что в дневнике он описывал не столько «внешние» события жизни, сколько их внутреннее преломление в себе.

Собственные сновидения А. Боровой описывал с поразительной откровенностью

Собственные сновидения А. Боровой фиксировал с поразительной откровенностью, порой подвергая их беспощадному самоанализу, порой оставляя без объяснения или несколько «олитературивая». Поражает память философа (далеко не все люди столь отчетливо помнят свои сны), его искренность (пусть и перед собственным дневником), восприимчивость (А. Боровой был музы-

кантом и поэтом в своем творчестве и жизни). Удивительны также богатство фантазии и тонкость в интерпретации снов, обилие причудливых и вещей «ночных» предчувствий и ассоциаций в сочетании с ясностью и трезвостью «дневной» мысли. В этих контекстах сон оказывался откровеннее, многомернее, правдивее, свободнее и поучительнее унылой, голодной, пошлой и несвободной яви для ссыльного и старого анархиста.

Таким образом, описание сновидений Алексея Борового в его дневниках одновременно дает ключ к внутреннему миру его незаурядной личности, а также является своеобразным памятником жуткой атмосферы эпохи тотального обесчеловечивания, а также еще одним свидетельством восприятия и применения фрейдовского психоанализа в России 1920–1930-х гг.

Ограничусь некоторыми наиболее яркими примерами.

Сны А. Борового об ушедшей любви и их «фрейдистское» истолкование

Несколько сновидений А. Борового отражают его неудачно завершившийся последний любовный роман в Вятке. Так, 6 июня 1931 г. философ записывал в своем дневнике: «Я видел сон, который, когда я проснулся, встал передо мной так рельефно, что я его записал почти дословно, только собственные имена взял из первого попавшегося романа Голсуорси. Сон – в сложной, но ясной для меня форме – отражает мои настроения» [10, с. 152 об.]. Далее следует сон (в обличье новеллы) – о несчастной любви, выражающий чувства разочарования, стыда и досады и в непрямой форме являющийся ключом к реальной ситуации А. Борового. Он завершает свое описание сна прямой, более чем лаконичной и выразительной репликой: «Фрейд?» [Там же, с. 155 об.]. Таким образом, здесь имеет место уже прямое обращение к создателю психоанализа и автору «Толкования сновидений».

Снова и снова во сне тема умершей любви

В следующей записи – от 7 июля 1931 г. – А. Боровой снова во сне обращается к теме умершей любви и разочарования в ней. Приведу в сокращении этот сон, в котором его вятская возлюбленная Л.П. Мещерина фигурирует под прозвищем Синяя птица (Алексей Алексеевич, с его пылким воображением и страстью к мифологизации мира любил придумывать людям и даже животным особые имена; например, свою вторую жену Эмилию Васильевну Струве он называл Белочкой).

«Мне снилось. Синяя птица умерла»

«Мне снилось.

Синяя птица умерла. Никогда более ее не поймать.

Она лежала высоко – вытянувшись, уже похолодевшая, с ее обычно строгим хмурым лицом. Страстное том-

ление, которое будило во мне это лицо при жизни, исчезло. Осталась тоска, неизъяснимая боль.

Все уже было передумано, все слезы выплаканы, я был опустошенным.

И вдруг из складок платья умершей выползло страшное, ужасное чудовище. Длинное и гибкое, как змея, но в меховой шкуре, как ласка, с множеством кривых, быстрых ножек, кончающихся острыми когтями... Я замер. Оно скользнуло ко мне, и острые его коготки вцепились в мое сердце...

...Я проснулся...» [10, с. 155 об.–156]. В этом сне, в котором красавица превращается в отвратительное чудовище, ярко выразились смерть любви и разочарование романтика. За полгода до смерти, 22 марта 1935 г., А. Боровому приснится сон о другой любимой женщине [8, с. 77 об.].

Вещие сны:
пророчества и
предупреждения
о грядущих
несчастьях

Сны А. Борового разнообразны по настроению, теме, степени реализма и связи с событиями его дневной жизни. Иногда в этих снах отражаются сюжеты книг, прочитанных в последнее время философом. В ссылке он прочитал несколько книг (в основном мемуарных) генералов и политиков Первой мировой войны. И вот 17 октября 1934 г. он описывал в дневнике сон, в котором видел... кайзера Вильгельма II во главе поезда, генералов и военной армады [Там же, с. 47 об.]. Тревожные сны о предательстве видел он о своем товарище, видном анархисте, учителе и сподвижнике Н.И. Махно, П.А. Аршинове, позднее предавшем анархизм, отрекшемся от него и перешедшем к большевикам (сон 25 апреля 1934 г.) [Там же, с. 20–20 об.], а узнав об измене 14 января 1935 г., А. Боровой воспринял сон как вещий [Там же, с. 67 об.–68]. Другой вещий сон-предчувствие открыл Алексею Алексеевичу скорую смерть далекого, но любимого человека – брата Саши (3 июля 1934 г.) [Там же, с. 25]. Что вскоре и случилось.

«Поток
переживаний,
свободный
от логизирующей
силы» во сне

Размышляя о собственных снах, А. Боровой комментировал: «Образчик ослепительно ясного сплетения действительности со сном» (25 августа 1930 г.) [10, с. 126]. А 2 сентября 1929 г. автор дневника, оказавшись в ссылке в Вятке, признавался самому себе: «У меня теперь какое-то особенное обилие пестрых и ярких снов. Самые сны – банальные. М[ожет] б[ыть], потому что я совершенно один, всплывает не заслоненное шумом – все затаенное в мыслях и чувствах?» [Там же, с. 76–77 об.]. Осмысливая же свой сон (в котором действуют и его вторая жена – Э.В. Струве – Белочка, и ее бывший муж) 12 июля 1930 г., Алексей Алексеевич раз-

мышлял как искушенный психоаналитик: «Итак, сон воспроизвел в иных планах картину, пережитую перед сном. Удивительное совпадение мыслей – у меня и Белочки – повторилось во сне. Новое любопытнейшее совпадение, явно связанное с первым невидимыми путями подсознания. Форма сохранилась, и поток переживаний, свободный от логизирующей силы, свойственной бодрствованию, влил новое, кажется мне, бесконечно далекое и чуждое содержание» [10, с. 121]. Вот пример фрейдистской интерпретации собственных сновидений А.А. Боровым.

Сны как зеркало индивидуальной души и ужасов эпохи

Наиболее интересны те сны А. Борового, в которых сквозь его личное сознание и судьбу завуалированно проступает жуть эпохи, вдруг наяву превратившейся из гофмановской в кафкианскую вселенную. Он почти не пишет о событиях современности, но она прорывается в кошмарах его снов. Поистине наваждением становятся для ссыльного анархиста в эпоху голода сны о еде.

Сны о еде преследуют бывшего университетского профессора...

Вспомним, что 1932–1933 гг. – страшные годы Голодомора, социального геноцида, сознательно организованного большевистским государством против своего сопротивляющегося народа и унесшего, по подсчетам историков, от пяти до семи миллионов (!) человеческих жизней [11]. И вот сны о еде преследуют А. Борового, в недавнем прошлом – университетского профессора, богемного гурмана, любившего коротать ночи в изысканных ресторанах Москвы, а ныне нищего, одинокого и больного ссыльного, живущего среди голодающей провинции.

«Бытие определяет сознание»

12 августа 1930 г. он иронично и горько размышлял об официальной марксистской догме «примата бытия над сознанием»: «Бытие определяет сознание. Вчера в УРК наглотался овощного форшмаку и овсяной каши на постном масле. И ночью мне снилось ослепительное пиршество». Далее следует подробное описание блюд, роскошной еды и... финал: «Я ел, ел и проснулся с испорченным желудком» [10, с. 124 об.–125]. 4 марта 1933 г. в разгар голода, во Владимире: «Еще Эпикур знал это. Какая правда! За последнее время я видел уже два обжорных сна. Возбудители: а) владимирская столовка, где голодно и грязно; б) чудеснейшая выдумка Eug. Sue – “La gourmandise”»* [5, с. 9]. Так в сознании (и бессознательном) А. Борового сталкивались реальность и грезы, голод наяву и чревоугодие в романах. Сон же был

* Имеется в виду, возможно, роман Эжена Сю «Семь смертных грехов» и, соответственно, «Чревоугодие».

Голодные сны
в разгар Голодомора

для него местом встречи этих двух миров. И фрейдистские методы помогли прояснению ситуации.

3 июля 1934 г. философ-анархист продолжает размышлять на примерах новых снов о связи соматики и психики человека, а также о нарастающей атмосфере абсурда, несвободы, тревоги и угрозы: «Нет, баста! Больше не буду есть на ночь. Поел чечевицы – и опять кошмарный сон – тягучий, длительный и сложный. Началось, как всегда, – с внезапно выросшего чувства опасности – отовсюду. Я заключен в башне на высоте, но вход и выход только извне, и я должен перепрыгивать зачем-то в другое помещение над страшной бездной» [8, с. 25].

Ощущение
катастрофизма
происходящего
вокруг

Тревога, ощущение катастрофизма происходящего вокруг нарастают в Алексее Боровом, и чем ужаснее, удушливее и тяжелее становилась «внешняя» жизнь, чем меньше он позволял себе открыто и сознательно высказываться о происходящем в своих дневниках, усиливая самоцензуру, тем красноречивее говорило во сне его бессознательное, тем насыщеннее и фантазмагоричнее становились его сны.

Кафкианский или
хармсовский сны...

Вот какой «кафкианский» или «хармсовский» сон приснился ему в ночь на 18 февраля 1933 г., выразив невероятный inferнальный ужас перед собственной беспомощностью, перед чудовищной несвободой, предчувствиями террора и смерти (привожу этот сон в сокращении): «Кошмарная ночь... Я в каком-то отеле с множеством людей. В отеле – человек странный, неопределенного возраста, мямля, скрытный. У него – огромный тигр на свободе, который прячется то там, то здесь, неожиданно нападает на людей и разрывает их. Ужас в том, что нет средств борьбы против тигра и его владельца. Ни того ни другого нельзя почему-то удалить из общежития, никакого оружия для защиты ни у кого нет. Все ограничивается спорами, жалобами и редкими словесными столкновениями с ипохондриком-хозяином тигра. А тигр где-нибудь недалеко, готовый к прыжку. Иногда, впрочем, он мирно проходит между нас, и мы швыряем в него всякие пустяки, на что он не обращает никакого внимания. <...> В этот момент, когда лев-тигр оторвал голову, я проснулся. В груди – боль, стук в сердце, висках. На часах – $\frac{1}{2}$ 4 [половина 4-го]. Прыжки тигра были стуком моего собственного сердца» [12, с. 97–98]. В этом описании феноменологически точно и отстраненно отражено состояние А. Борового, и не обязательно быть психоаналитиком, чтобы считать его содержание.

Смещение эпох,
ужас перед
несвободой
и предчувствие
террора

25 апреля 1934 г. Алексей Боровой занес в дневник описание еще одного сна, которое я привожу в выдержках (оставляя в стороне многие детали и подробности): «Сегодня ночью меня мучил кошмар. Снилось – я в заключении. Со мной в камере до 20–30 товарищей, узнаю кое-кого из голострудовцев*. <...> Споры, шум, звук шпор. – Как будто, жандармы. И что-то блестящее есть в мундире. Мне грозят и хотят отобрать книги. Я волнуюсь, кричу и сажусь писать письмо Сталину (так у А. Борового! – П.Р.).

Эпохи
перепутались...

Эпохи перепутались. Пишу, что хотя а[нархизм] и признан сейчас «вредным» учением, но придет время, когда поймут, что всемирное течение, имеющее свою философию и свою политическую теорию, не может не выговорить себя до конца. То, что я написал Сталину, меня совершенно успокаивает» [8, с. 20–20 об.]. Кошмарный сон оказывается реалистичнее и откровеннее, чем реальность: в нем у А. Борового смешались чекисты и жандармы. Он поднял голос в защиту своих анархических убеждений и пишет письмо Сталину – всеильному тирану, о котором постоянно старательно и выразительно умалчивал в своем дневнике.

Так до самого конца жизни для романтического Алексея Борового сны оставались средством самопознания, важной частью жизни, зеркалом души и реальности, существенным орудием самопознания.

1. Рублев Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой. Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. – 2011. – № 2(71). – С. 221–239.

2. Рябов П.В. Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философии жизни) // Историко-философский ежегодник'2011. – М., 2013. – С. 416–435.

3. Боровой А.А. Моя жизнь. Воспоминания. Гл. VI–X. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 167.

4. Боровой А.А. Моя жизнь. Воспоминания. Гл. XXVI–XXXI. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 171.

5. Боровой А.А. Дневник. 25 февраля – 24 августа 1933. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 175.

6. Боровой А.А. Достоевский. Книга. Последний вариант. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113.

* Членов Союза анархо-синдикалистской пропаганды «Голос Труда», активным участником которого был и А. Боровой.

7. *Боровой А.А.* Дневник. 24 августа 1933 – 17 января 1934. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 176.
 8. *Боровой А.А.* Дневник. 20 января 1934 – 21 ноября 1935. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 177.
 9. *Боровой А.* Власть. – М., 2012.
 10. *Боровой А.А.* Дневник. 12 апреля 1928 – 22 января 1932. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 173.
 11. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. – М., 2008.
 12. *Боровой А.А.* Дневник. 30 января 1932 – 21 февраля 1933. – РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 174.
-

